

*Комолов Н.А.* Переписная книга города Воронежа как исторический источник // Из истории Воронежского края: Сб. ст. Вып. 12. Воронеж, 2004. С. 70—80.

*Курская губерния: Итоги статистического исследования.* Курск, 1887.

*Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.

*Милов Л. В.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия: Историография, компьютер и методы исследования // Л. В. Милов, М. Б. Булгаков, И. М. Гарскова и др. М., 1986.

*Об Общем* сборнике статистических сведений по Курской губернии: Крит. разбор соч. г. Вернера. Курск, 1888.

*Опыт* земского сборника статистических сведений по Курскому уезду за 1881 год. Курск, 1881.

*Переписная* книга Воронежского уезда 1646 года / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. В. Н. Глазьева. Воронеж, 1998.

*Позняков Л. Н.* История застройки города Курска // Курский архивист. 1932. № 2. С. 22—35.

*Санитарное* состояние Курской губернии. Ч. 3. Общие итоги движения православного населения Курской губернии по церковным приходам за 19 лет (1882—1900 гг.). Курск, 1903.

*Сахаров М.А.* «Статистический скандал» в Курском земстве // Вопр. истории. 1984. № 3. С. 182—186.

## Н. К. Мартыненко

### РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В БОРЬБЕ С ПРОСТИТУЦИЕЙ (НАЧАЛО XX В.)

С привлечением большого фактического материала рассматривается социально-исторический опыт многообразия и результативности средств российского общества в борьбе с проституцией в начале XX в.

С середины XIX — начала XX в. проблемы алкоголизма, проституции, преступности, венерических заболеваний, нищенства, бродяжничества, беспризорности детей в России приняли масштаб общенациональных.

Модернизация, трудности и противоречия, связанные с капиталистическими преобразованиями, создали экономическую и идейную основу для самоорганизации общества. Пришло понимание, что для успешной борьбы с широко распространившимся злом необходимы тесные взаимные усилия власти и общества. В свою очередь, демократизации и развитию гражданской инициативы способствовали Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. [Законодательные акты..., 1909, 270—278]. По новому положению утверждение уставов обществ вменялось Министерству внутренних дел [см.: РГИА, ф. 1263, оп. 1, ст. 803, д. 3361], тем самым значительно упростился механизм их создания. Наиболее рас-

пространёнными стали благотворительные общества, не преследовавшие каких-либо политических целей, а стремившиеся защитить от нужды, оказать помощь в получении образования, лечения, адаптации к новой жизни в условиях буржуазных отношений [см.: Селиванов, 1907, 7].

Появились общества, провозглашавшие борьбу с проституцией своей основной целью [см., например: РГИА, ф. 1284, оп. 158; Отчет о деятельности..., 1901, 39, 65; Бентовин, 1909, 202; Селиванов, 1907, 3—9]. Таковым являлось основанное в 1900 г. Российское общество защиты женщин (РОЗЖ) [Положение..., 1900, 1]. Накопив за десять лет деятельности значительный опыт, комитет общества пришел к идее обсуждения во всероссийском масштабе причин проституции и к необходимости координации мер борьбы с ней.

К началу XX в. в практике общественной жизни России все чаще стали наблюдаться съезды (педагогические, медицинские, женские, естествоиспытателей, представителей промышленности и торговли, по борьбе с пьянством), стремившиеся пробудить общество к самостоятельности в решении важных проблем. Так, после работы в 1895 г. V медицинского Пироговского съезда [Труды..., 1897] правительство откликнулось на предложение его участников созвать с 15 по 22 января 1897 г. при медицинском департаменте съезд по обсуждению мер против распространения в России сифилиса. Поднятые на нем вопросы пришлось решать через 13 лет на Первом всероссийском съезде по борьбе с проституцией.

Организацию проведения съезда взял на себя комитет Российского общества защиты женщин [Труды..., 1911—1912, 6]<sup>1</sup>.

Приглашение отправили всем, чье участие могло бы принести пользу: благотворительным обществам, вольному экономическому, различным медицинским, педагогическим и юридическим обществам, университетам, военно-медицинской академии, женскому медицинскому институту, другим учебным заведениям, городам и земствам [24—25].

21 апреля 1910 г. съезд открыла председатель комитета Российского общества защиты женщин принцесса Е. Г. Саксен-Альтенбургская. Председателем съезда был избран В. К. Анреп, член Государственной думы, член комитета Российского общества защиты женщин. Вице председателями стали В. Г. Клячкина, В. П. Тарновская, А. П. Философова, А. Н. Шабанова, А. И. Елистратов, П. Д. Лескевич и О. В. Петерсен. Обязанности секретаря выполняла М. И. Покровская.

Все заседания проходили в помещениях сельскохозяйственного музея, которые были любезно предоставлены его директором, камер-юнкером Высочайшего двора В. Д. Батюшковым [610].

Самой массовой категорией (19 из 96 учреждений, обществ, клубов, партий) на съезде являлись женские общества, на втором месте — различного направления благотворительные общества и образовательные учреждения. Третье место по численности представителей принадлежало обществам помощи детям. При-

---

<sup>1</sup> Далее ссылки на данный источник даются с указанием только страниц в квадратных скобках.

мерно равными по количеству были представлены общества содействия образованию, различные экономические общества и товарищества, профессиональные, религиозные и культурно-просветительные.

Из 300 участников съезда наибольшее число (79 делегатов) представляло Российское общество защиты женщин; 27 человек — Женское взаимно-благотворительное общество; 14 делегатов — Санкт-Петербургский женский клуб.

Если учесть тот факт, что круг высокооплачиваемых профессий для женщин в России в начале XX в. оставался недоступным и присутствующие делегатки в основном занимали общественные должности, то относительно профессионального состава участников съезда можно сказать, что наибольшее число (47 человек) относилось к представителям медицины. Из них 9 докторов наук: В. К. Анреп; В. М. Бехтерев, академик, президент Психоневрологического института, член отдела борьбы вовлечения женщин в разврат Российского общества защиты женщин; А. С. Гинзберг, профессор женского медицинского института; Н. И. Григорьев, думский врач; А. П. Зельгейм, старший врач Санкт-Петербургского коммерческого училища, секретарь Общества попечения о выздоравливающих и слабосильных; С. Я. Кульнев, главный врач городской Калининской больницы; М. П. Манасеин, приват-доцент Военно-медицинской академии, член отдела борьбы с вовлечением женщин в разврат Российского общества защиты женщин; О. В. Петерсен, товарищ председателя Русского сифилидологического и дерматологического общества; Н. Я. Шмидт, статский советник Министерства внутренних дел.

Большое число мест на съезде принадлежало разного уровня чиновникам, служащим, занимавшим государственные и негосударственные должности. От Правительствующего сената — 15 человек, из которых 2 сенатора: Ф. Ф. Арнольд, председатель отдела расследования Российского общества защиты женщин, и И. В. Мещанинов, председатель общества «Маяк», член комитета Российского общества защиты женщин. От Государственной думы — 2 делегата. От Совета министров и министерств — 15 участников. По одному от петербургского врачебно-полицейского комитета, Варшавской врачебной управы и врач-ревизор по надзору за проституцией в Москве. А кроме того, 3 инженера, 4 фельдшера, 2 акушерки, 1 библиотекарь императорской публичной библиотеки и 1 бухгалтер правления Китайской Восточной железной дороги, 5 присяжных поверенных, 3 литератора, 1 мировой судья, 8 учителей, 1 священник. Редакторы-издатели журналов «Вестник трезвости» (Н. И. Григорьев), «Тропинка» (Н. И. Манасеина), «Женский вестник» (М. И. Покровская), «Союз женщин» (М. А. Чехова), газеты «Современное слово» (Ф. Н. Полякова).

К сожалению, материалы съезда не дают возможности определить точный цифровой показатель социального состава, но вполне определенно можно сказать, что присутствовали делегаты из дворян, разночинцев, духовенства, мещан и небольшая делегация московских рабочих во главе с П. Г. Гончаровым, председателем правления профессионального общества рабочих, занятых при развеске чая в городе Москве, и П. С. Павловым, секретарем московского профессионального общества рабочих печатного производства имени первопечатника Ивана Федорова.

Что касается партийной принадлежности делегатов, следует отметить старание организаторов избежать нареканий со стороны властей за политические дебаты. Поэтому крайней партийной выраженности не усматривалось. И рабочая группа платформы социал-демократов, и прогрессистки, и кадеты при обсуждении выдвинутых форумом проблем старались понять друг друга.

Как видно из приведенной характеристики состава присутствовавших, съезд действительно являлся собранием общественности и демонстрировал широту масштаба проблемы проституции не только с позиции санитарной, но и как сложной этико-социальной [221—230]. Одна из авторитетнейших в России общественных А. П. Философова, член совета Русского женского взаимно-благотворительного общества, председатель Общества по материальному обеспечению высших женских Бестужевских курсов, обратила внимание, что данный съезд особо был ценен для обмена опытом в борьбе с общественным недугом [43].

В соответствии с вопросами программы была налажена работа секций.

Первой секции, которой заведовал Д. А. Дриль, юрисконсульт Министерства юстиции, предстояло выяснить причины проституции.

Вторая секция во главе с графиней С. В. Паниной, председателем отдела предупреждения Российского общества защиты женщин, членом партии кадетов, должна была определить меры общественной борьбы с проституцией.

Работа третьей секции заключалась в анализе и разработке административных и законодательных мер, необходимых для уменьшения проституции. Обязанности заведующего третьей секцией были возложены на М. М. Боровитинова, члена консультации при Министерстве юстиции, члена отдела борьбы вовлечения женщин в разврат Российского общества защиты женщин.

Исследователи феномена проституции в российском обществе в 70-х гг. XIX — начала XX в. выделяли три фактора устойчивости явления: социально-экономический, моральный и антропо-физиологический: «...проституция есть социальный институт, продукт сложных общественных отношений, на который оказывают влияние биологические законы наследственности, традиции, сознание, экономические и юридические отношения, ставящие личность в зависимость от случая» [95].

Вопрос, что же следует считать основной причиной проституции, вызвал спор среди участников. Одни во главу угла ставили социально-экономические причины, другие — нравственность, третьи — врожденный порок: «...объяснять ли существование проституции преимущественно устарелыми формами брака, вывести ли ее из несправедливой двойной морали, снисходительной к мужчинам и потому сильно влияющей на развитие спроса на проституцию» [29].

Так или иначе, что признается и сегодня, к причинам проституции делегаты относили безработицу, низкую заработную плату, жилищную проблему, семейное положение, неорганизованный досуг, пьянство, бесправие и невежество, падение нравов и наследственность. «Безработица и проституция, — говорил К. И. Григорьев, — идут рука об руку одна с другой, последняя в значительном числе случаев пополняет свои ряды из числа первых» [558].

Индустриализация, введение машин, интенсификация ручного труда, требующего сноровки, способствовали привлечению в промышленность все большего числа женщин. Рабочий день длился 8—9 часов. Минимальная зарплата составляла от 8 до 12 рублей, максимальная — 19—22 рубля. На типографских предприятиях, где работа была особенно вредной для здоровья, работа мужчины оплачивалась в среднем 28 рублей в месяц, женщине платили не более 14 рублей. На московских чаеразвесочных фабриках работало свыше 1 тыс. работниц, среди которых было 300—400 девушек от 13 лет. На Прохоровской мануфактуре в Москве поденщица зарабатывала 47 копеек в день, или 12 рублей в месяц. На фабрике Симона получали от 5 рублей 50 копеек до 8 рублей в месяц [123, 172—173, 567].

Заработок женщин во всех отраслях труда являлся чрезвычайно низким, не обеспечивавшим их жизнь. Домашнее и кустарное производство, сопровождавшееся непосильным трудом, не давало минимума для жизни. Не радовало положение домашней женской прислуги, на которую хозяева часто смотрели как на естественную наложницу. В труде приказчиц, конторщиц и других работниц всюду можно было встретить одно и то же — крайнюю эксплуатацию при чрезвычайно низкой оплате труда [135, 569, 572, 579]. Способом выхода из экономических и моральных затруднений служила торговля собой.

А. В. Тыркова, литератор, член Санкт-Петербургского женского клуба, член ЦК и заведующая бюро печати кадетской партии, отмечала: «До тех пор, пока не начнется планомерная борьба с рыночной дешевизной женщины, проституция будет широко раскрывать свои красные двери, предлагая соблазнительный выход из материальных и психических трудностей» [165, 168].

На основании фактов, приведенных представителем московского профсоюзного общества портных и скорняков города Москвы З. М. Ивановой, можно получить представление о составе проституток.

В 1855 г. из опрошенных 241 поднадзорных проституток насчитывалось:

- фабричных работниц — 78 (32,4 %);
- других профессий — 70 (29 %);
- швей, прачек, гладильщиц — 16, рукодельниц — 23 (16,2 %);
- домашних работниц — 32, прислуги — 22 (22,4 %).

В 1873 г. из опрошенных 2 224:

- фабричных работниц — 355 (16 %);
- работниц надомных промыслов — 939 (42,2 %);
- приказчиц — 139 (6,2 %);
- прислуги — 794 (35,6 %).

В 1896 г. из 152 опрошенных:

- работниц, швей, продавщиц — 66 (43,4 %);
- остальных профессий — 8 (5,3 %);
- прислуги — 78 (51,3 %) [175—179].

По анкете, проведенной в Санкт-Петербурге в марте 1910 г. по просьбе Международного союза аболиционистов попечительным комитетом дома милосердия о влиянии женского труда на проституцию, из 600 опрошенных проституток —

прислуга, работницы ремесленных мастерских и фабрик составляли наибольший процент [101].

С 1906 г. с началом Столыпинской аграрной реформы, разгоном общины началась вторая после отмены крепостного права волна миграции сельского населения в города. Женский труд преобладал в самых рутинных производствах. К концу первого десятилетия XX в. женский труд на фабриках, который ранее охотно использовался хозяевами, стал заменяться мужским в силу достаточного предложения, тем более что российские предприятия характеризовались низким уровнем технической оснащенности, что требовало высокой концентрации рабочих. Это наглядно доказывают выступления делегатов: «Женский труд на чаеразвесочных фабриках применялся с 1900 г., но после 1905—1906 гг. их там все более заменяют мужчины» [122—124]. Следствием этих процессов явилось перенасыщение рынка простого женского труда. Если девушкам и женщинам, приезжавшим в города, удавалось избежать встречи с портовыми и вокзальными факторшами, они непременно попадали на определенные рынки, так называемые народные биржи труда, которые буквально кишели своднями. За жалованье 6—8 рублей в месяц, питание и кров одинокий господин мог приобрести одновременно и содержанку, и прислугу [101, 103].

Для встречи на вокзалах и пристанях отправлявшихся на заработки в города жительниц сел и деревень, широкой предупредительной деятельности, оповещения о тех организациях и людях, к кому можно было бы обратиться за помощью и содействием в случае необходимости, делегаты приняли решение наладить работу железнодорожных миссий. При этом если О. В. фон Кубе, председатель Общества охранения прав женщин, предлагала организацию железнодорожных миссий поручить общественным организациям, то С. В. Панина — чинам администрации. Она же предложила ввести регистрацию выбывавшего из деревень женского населения через железнодорожную билетную систему и городские бюро [571, 118, 240, 614].

Кроме оборудования временных пристанищ, для координации деятельности всех отдельно существовавших к тому времени по России бюро женского труда предлагалось в Санкт-Петербурге создать центральное бюро.

Для ликвидации социально-экономических причин проституции необходимо было: 1) введение законодательства, включавшего допуск женщин ко всем должностям; 2) коренной пересмотр законов о труде; 3) введение независимой и свободной от полицейских функций фабричной инспекции, где наряду с выборными от рабочих фабричными инспекторами для надзора за женским трудом должны работать инспектора-женщины, оплачиваемые государством; 4) введение обязательного государственного страхования труда; 5) принятие закона об организованном отдыхе домашней прислуги; 6) изыскание способов материальной поддержки тружениц, в том числе путем реформирования домов трудолюбия, освобождения женщин от работы за 4 недели до и 6 недель после родов с сохранением полной заработной платы, учреждения при фабриках детских яслей [81, 118, 129—130, 158, 323—329, 576, 594, 612—615, 572].

Невежество, алкоголизм, распад семей в беднейшей среде создавали источник нравственного падения, вели к детской проституции. В докладе доктора медицины Б. И. Бентовина «О проституции детей» отмечалось, что детская проституция процветает с удивительной откровенностью и широтой. По улицам можно было встретить целые группы девочек от 10—12 лет, обещавших «удивительные наслаждения». В сообщениях других докладчиков приводились факты торговли родителями своими детьми, факты растления воспитателями воспитанниц, сожительства отцов с дочерьми и т. д. [441—457, 319].

Оказавшись волей судьбы в городах, неграмотные крестьяне заключали контракты, в которых оговаривалось, что не будут иметь в будущем никаких претензий к хозяевам за своих детей [104—105]. Под предлогом обучения малолетних просто продавали на 2—3 года в мастерскую, где с ними творился откровенный произвол.

Д. А. Дриль призвал общество и государство к немедленным активным мерам по защите физического и нравственного здоровья детей. В докладе «О заброшенности детства как могущественной причине детской проституции» он говорил: «В 1908 г. в заведениях исправительного воспитания содержалось около 3 000 детей и подростков. Через тюрьмы и арестантские помещения их прошло более 100 000. Каким-либо школьным обучением могли воспользоваться лишь 10,2 %, пребывая в местах заключения, были заняты полезными работами всего 12, 2 %. Для 87,8 % заключенных господствовала полная праздность» [565, 84—88].

Не является секретом, что по природе дети не способны с рождения самостоятельно развиваться. Ответственность в воспитании целиком ложится на родителей. Беспризорность — позор любой государственности. И если мы считаем своим долгом не оставлять на произвол благополучных детей, то тем более не имеем права оставлять без помощи и попечения проституирующих.

Спасение детей-проститутток составляло лишь одну из сторон огромной проблемы защиты детства. Так как в России отлаженной системы борьбы с детской беспризорностью еще не сложилось, съезду пришлось столкнуться с обсуждением мер общественного воспитания детей [551, 553, 617]. Кто мог взяться за это трудное дело и на какие средства?

Б. И. Бентовин, например, предложил не тратить материальных средств и духовной энергии на насильственное извлечение из бездны разврата тех, кто чувствовал себя там отлично, кто «освоился с этими мутными волнами как с родной стихией, а спасать тех, кто хотел бы спастись» [89].

Со стороны делегатов звучало опасение, что введение в жизнь резолюции, предложенной доктором Бентовиным, может повлечь за собой массовый отказ всех обществ от детей, особо трудных в воспитательном отношении. Предложения Б. И. Бентовина были признаны негуманными и жестокими, из малолетней проститутки, оставленной на произвол судьбы, выйдет большая преступница, которую впоследствии будут перевоспитывать в тюрьмах. Съезд постановил, что «принудительное воспитание проституирующих детей должно быть не только правом соответствующих воспитательно-исправительных учреждений, но и обязанностью органов общественного самоуправления» [550—556].

Многолетний опыт работы чиновника канцелярии Совета министров, члена отдела борьбы с вовлечением женщин в разврат Российского общества защиты женщин Н. А. Захарова показал, что среди малолетних проституток были дети, которые не поддавались никакому воспитательному воздействию, общение с этими детьми представляло большую опасность для всех остальных. Необходимость учреждения специальных заведений для «болезненно-извращённых» детей была поддержана делегатами большинством голосов: «...Необходимо подробно обсудить вопрос об организации приютов для малолетних проституток в соответствии с требованиями психиатрии и педагогики, ходатайствовать об организации при уже существующих городских и земских психиатрических заведениях особых отделений для приема и содержания малолетних проституток». Решили считать беспризорными и тех детей, за кем не смотрят родители. Из выступлений делегатов следовало, что главная надежда в усовершенствовании принудительного воспитания проституирующих детей возлагалась на органы общественного самоуправления [550—552, 554].

Заслуживает внимания, что А. И. Елистратов, доктор полицейского права, профессор Московского университета, указывал на актуальное даже на сегодняшний день обстоятельство: «Не в слабости репрессий недостаток, а в том, что инициатива возбуждения дел по совращению в разврат принадлежит или родителям потерпевших или самим потерпевшим, благодаря чему в огромном большинстве случаев виновные избегают преследования» [608]. Первым шагом в этом направлении явилось признание съездом необходимости предоставления обществам защиты женщин и детей права привлекать к суду лиц, посягнувших на несовершеннолетних для удовлетворения половой похоти; возможности правового заступничества за пострадавших от сексуальных домогательств в ремесленных учреждениях; права придавать огласке в печати судебные разбирательства случаев растления детей с указанием имен виновных и вынесением их на суд общественности [614—615, 618].

Предлагалось установить наказания не только за изнасилование, но и за всякое любовное действие с малолетними. Кроме уголовной ответственности, виновный в преступлении должен был компенсировать стоимость содержания своей жертвы в воспитательном учреждении. Более того, для преступников, посягнувших на детей, выдвигалось требование смертной казни или пожизненной каторги [582, 586, 555—556, 551].

Отсутствие надзора за трудом детей в торговле, промышленности и домашней службе требовало введения института охраны детского труда. Было принято решение «ходатайствовать о полном запрете эксплуатации детей в качестве участников театральных подмостков независимо от их национальности, пола и возраста. Обращалось внимание на необходимость привлечения к ответственности за использование детей профессиональными нищими [90, 121, 552].

Таким образом, авторитетный всероссийский общественный форум констатировал, что по отношению к беспризорному, заброшенному детству на место расшатанной семьи должны стать общество и государство, обязанные дать детям необходимое воспитание и образование для нравственной и правомерной жизни



путем широкой законодательной охраны детства — введения в действие жестких законов, наказывающих использование детей для удовлетворения сексуальных потребностей; создания приютов и специальных исправительных учреждений; предоставления обществам защиты женщин и детей прав осуществления юридической защиты эксплуатируемых малолетних. Материальные средства на реализацию этой цели могли бы складываться из доходов от хозяйственной деятельности воспитательных учреждений, пожертвований от обществ и частной благотворительности, организации доступного кредита культурным учреждениям, а со стороны государства — за счет финансовых отчислений от винно-водочных предприятий и специальных налогов.

Противоречивую реакцию вызвало обсуждение на съезде вопроса о запрете женского и детского труда ночью и во вредных производствах. Категорически протестовавшие против запрета делегаты усматривали опасность последствия сокращения сферы применения женского труда в увеличении числа проституирующих, ссылаясь на пример Англии, где проведенное по такому же поводу исследование дало тому подтверждение. Сторонники запрета убеждали, что ночной труд вреден для женщин и для мужчин, доказывали, что рабочие вовсе не хотят устранения конкуренции женщин в своих корыстных целях, а лишь стремятся к освобождению их от вредных работ, что изнуренная тяжелым трудом женщина даст государству душевно и телесно болезненных граждан. Ряд профессий в самом деле был очень вреден, например в шахтах и свинцовых рудниках. Среди занятых на этих работах женщин наблюдались высокий процент заболеваемости и случаи смертоубийств [129—131, 557—579].

В итоге прений была принята резолюция о необходимости в законодательном порядке принять меры по запрету женского труда и труда детей до 14 лет ночью и на вредных производствах [118, 194, 573, 612—613].

Бедность, безработица, пауперизм и жизнь по углам неимущих классов населения — вот реальность того времени. Например, 175 тыс. жителей Москвы, т. е. 1/10 всего населения города, жили в коачных и угловых квартирах, в том числе 38 тыс. детей. Нередко в одной комнате проживало 18—20 человек [73, 89].

По переписи 1897 г. средний размер семей по России составлял 1,98 человека, по Петербургу — 1,27, по Москве — 1,13. Следовательно, большинство рабочих и работниц были несемейными [128, 123]. Часто семью заменяли кабаки и случайные связи.

Санкт-петербургский врач И. И. Канкарович в докладе о причинах проституции приводил научные исследования В. М. Тарновского, И. А. Сикорского, И. Михайлова, Д. Н. Бородин, К. М. Бэра, П. Гирша, О. Фореля о влиянии алкоголя на разврат. Так, врач Бородин из 624 опрошенных им проституток у 460 (74 %) констатировал зависимость их падения от алкоголя. Форель отмечал, что процесс дефлорации в 77 % случаев совершался именно под влиянием алкоголя. И. Михайлов указывал на то, что половина падений женщин происходила в результате опьянения. Была принята резолюция о необходимости антиалкогольного воспитания населения как важнейшем способе борьбы с проституцией [182—194, 71].

Одной из существенных причин падения молодых девиц, особенно живущих вне семьи, чиновник судебного департамента Правительствующего сената Я. И. Гурлянд называл отсутствие учреждений, в которых они могли бы разумно, с пользой для себя проводить свободное время. Существовавшие воскресные и вечерние собрания были организованы в основном для ремесленниц, прислуги и фабричных работниц и почти не охватывали вниманием молодых девушек из среднего класса. Гурлянд предложил организовать культурно-просветительное учреждение по образцу «Маяка», основанного для молодых мужчин в Санкт-Петербурге американцем Стоксом [260, 581].

К нравственным причинам в развитии проституции относили двойную мораль общества по отношению к мужчине и женщине, несовершенство воспитания и половую распущенность.

В 1903 г. из ответов 1 706 московских студентов на вопрос анкеты, оказала ли семья влияние на формирование их этических идеалов и эстетических вкусов, 52 % ответили отрицательно, причем со слов 778 лиц (37 %) у них не было никакой нравственно-духовной близости с родителями. Из 374 зарегистрированных в том же 1903 г. петербургских проституток 89 объяснили свое ремесло нежеланием работать; 103 — результатом уговоров и соблазнительным примером других женщин; и лишь в 2 случаях — как вызванное нуждой [148, 201—214, 256—258, 73].

Достаточно часто во врачебно-полицейском комитете, когда регистрирующейся проститутке предлагалась помощь дома милосердия и обещание найти работу, можно было слышать в ответ: «...вы мне подыщите место не более чем на 15—20 рублей, тогда как этот промысел дает 200—300 рублей». «...Разве проститутки, продававшие свое тело за 1 000 рублей, не являлись законодательницами моды?» — задавал вопрос Н. А. Захаров [208, 206—207].

На формирование сексуальной этики, по замечанию делегатов, огромное влияние оказало искусство XIX в.: «...являясь сильным вспомогательным средством для возбуждения похотливости, оно стало союзником порнографии». Отмечалось, что некоторые издательства открыто культивировали «неестественные» половые отношения [89, 60—61, 190, 194].

Съезд признал необходимым внести запрет на размещение на страницах печати явных или скрытых по форме объявлений, склоняющих к разврату: «Помещение на страницах прессы различных «марьяжных» объявлений должно быть запрещено как сводничество». А так как из имевшегося опыта было ясно, что одних предупредительных мер для борьбы с этим отнюдь не достаточно, требовался соответствующий уголовный закон, направленный как против авторов порнографических рассказов, иллюстраций, объявлений на 4-й странице газет и т. д., так и против редакторов издательств, допускавших такие публикации [118, 616].

Если рассматривать проституцию как предоставление сексуальных услуг за плату любому желающему, то по-настоящему плодотворная борьба с пороком может быть только в том случае, когда само общество вынесет глубокое нравственное осуждение не только предложению, но и спросу на такого рода услуги.

Председатель Общества содействия внешкольному просвещению при Лиге образования А. С. Милюкова предложила культивировать в обществе нетерпимое отношение к разврату с помощью печати [230].

На общем заседании секций делегаты поддержали председателя дирекции Всероссийского общества оперных и драматических театральных школ А. Н. Кремлева создать собственный печатный орган Российского общества защиты женщин — научно-литературный журнал с широкой программой распространения «здоровых взглядов о сближении с женщиной» [591, 592].

Покончить с безграмотностью, темнотой, невежеством — спутниками проституции, по мнению делегатов А. Я. Гуревич, Р. Л. Депп, З. М. Ивановой, могло бы помочь введение обязательного бесплатного начального обучения и устройство различных культурно-просветительных учреждений, например школ для взрослых, библиотек, рабочих клубов, народных университетов, театров и т. п. [148, 158, 176—177, 613]. В резолюции о необходимости введения в стране всеобщего обучения председатель съезда В. К. Анреп предложил заменить слово «обязательное» словом «общедоступное». Проведение в жизнь этого принципа в России было возможно только в густо заселенных и сравнительно культурных местностях, но наряду с ними существовали Сибирь и Туркестанский край. Анреп напомнил, что «разрабатываемый Государственной думой закон предусматривал принцип факультативности, по которому все земства получают право вводить всеобщее обучение по мере возможности» [591].

Общественные съезды начала XX в. как зеркало отражали становление российского гражданского общества. Говоря о необходимости подъема нравственного уровня населения, следует отметить, что в стране отсутствовала программа полового воспитания, а само общество старалось избегать открытого обсуждения этой проблемы.

Решено было обратить внимание Министерства народного просвещения и других министерств, в чьем ведении имелись учебные заведения, что знакомство воспитанников с основами половой жизни и с опасностью венерических заболеваний действительно вызваны жизнью. Предлагалась пропаганда равных и ранних браков: женщин — с 20—22, мужчин — с 22—24 лет. Высказывалась идея введения совместного воспитания мальчиков и девочек [607, 230, 617—618, 70, 197, 115, 118].

Таким образом, исторический опыт показывает, что нравственное воспитание — мощный рычаг в борьбе с распространением проституции, оно несет в себе систему четких ценностно-культурных установок личности относительно половых связей и брака, организации досуга, употребления алкоголя, образования, религиозной морали, помощи нуждающимся.

Сложившуюся к первому десятилетию XX в. в ряде стран мира систему борьбы с проституцией можно свести к трём основным видам.

1. Действовавшая в России принудительно к женщинам система регламентации с публичными домами, с регистрацией проституток, периодическими медицинскими осмотрами, принудительным лечением, арестом и тюремным заключением была основана не на законе, а на административном распоряжении.

2. Скандинавская система — так называемая санитарная регламентация, или государственная санитария, действовала в Дании, Норвегии, Румынии, Сербии и Финляндии. Скандинавская система предусматривала принудительное лечение всех инфекционных заболеваний, в том числе оспы, дифтерита, скарлатины и др. При этом ко всему населению предъявлялись совершенно одинаковые требования, без различия пола и социального положения.

3. Система аболиционизма, основанная на принципе свободы, равенства перед законом и ответственности, развивала организацию широкой общественной помощи. Движение возникло в 70-х гг. XIX в. с целью вызвать общественное негодование против унижения женщин путем одностороннего применения к ним принудительных мер регламентации [222, 228].

В докладе «О современной постановке врачебно-полицейского надзора за городской проституцией и необходимых в этой области реформах» помощник делопроизводителя Главного управления по делам местного хозяйства, член комитета Российского общества защиты женщин Н. К. Ди-Сеньи отмечал, что на 1 января 1909 г. «в Российской империи числилось около 960 городов, но только в 200 из них были учреждены врачебно-полицейские и санитарные комитеты. Регламентация абсолютно отсутствовала в 502 городах. В 51 городе не было зарегистрировано ни одной проститутки» [460—477].

Комитеты имелись только в 14 городах: Санкт-Петербурге, Варшаве, Риге, Екатеринославле, Александровске, Вильне, Юрьеве, Минске, Перми, Лодзи, Благовещенске, Владивостоке, Никольске-Уссурийском и Хабаровске. Общее число агентов по всей империи было всего 63 человека. Все проститутки должны были подчиняться особым правилам. Помимо общих для всей империи правил 1844, 1861 и 1903 гг., во многих городах действовали особые правила, утвержденные местной губернской властью.

Регламентация содержала два направления: 1) полицейский контроль и 2) медицинский надзор. Полицейская, административная часть, т. е. наблюдение за явной проституцией, врачебные освидетельствования, розыск и привлечение к ответственности женщин, тайно промышлявших развратом, наблюдение за домами терпимости, — все это лежало на чинах городской полиции или на специальных агентах, состоявших при врачебно-полицейских комитетах.

Что касалось врачебно-санитарной части надзора, то в городах, где функционировали врачебно-полицейские комитеты или имелись городские санитарные бюро при городских управах, врачебные освидетельствования проституток производились специальными врачами, состоявшими при комитетах, или заведующими санитарными бюро [464, 466].

Отношение к регламентации являлось ключевым в вопросе борьбы с проституцией. Ее противники настаивали на том, что регламентация не достигает цели борьбы с венерическими болезнями, система врачебно-полицейского надзора при широких масштабах страны невозможна, надзор в России реально распространялся на восьмую-десятую часть всего числа проституток [223].

Земский врач, основательница женской прогрессивной партии М. И. Покровская, член партии кадетов А. А. Кальманович, заведующая петербургским мужским начальным городским училищем А. Н. Дементьева, вице-председатель санкт-петербургского клуба женской прогрессивной партии М. Л. Вахтина, делегат П. С. Павлов заявляли, что «к врачебно-полицейскому надзору за проституцией с санитарной точки зрения можно отнести только отрицательно. Еще менее можно оправдать его с нравственной стороны. Врачебно-полицейский надзор нарушает русский закон, запрещавший разврат и дома непотребства» [58, 477—480, 504—512, 597, 600, 228].

Что же предлагалось? К единому мнению на этот счет так и не пришли. Наиболее радикальным было содержавшееся в резолюции, предложенной М. И. Покровской от имени восьми женских организаций, требование немедленной отмены врачебно-полицейского надзора [602, 617].

Оставаясь противниками регламентации, делегаты В. К. Анреп, М. М. Боровитинов, М. А. Членов тем не менее настаивали на том, что, прежде чем ее отменить, нужно дать обществу ответ на неизбежный вопрос, какими мерами будет достигаться защита от венерических заболеваний, и в первую очередь от сифилиса. Они считали, что, принципиально осудив регламентацию проституции, съезд не должен решать совершенно им неразработанный вопрос об ее отмене, а должен был бы передать последний на рассмотрение специально созданной комиссии. Особое мнение по поводу целесообразности отмены регламентации оставила ординатор санкт-петербургской городской Калинкинской больницы З. Я. Ельцина: «Исходя из того... что сифилис является одним из величайших общественных зол и по справедливости считается бытовой болезнью русского крестьянского населения... я как член Русского сифилидологического и дерматологического общества Тарновского считаю своим долгом оговорить, что присоединиться к постановленной съездом резолюции об отмене регламентации проституции не признаю для себя возможным...» [596, 597, 601, 604].

Несмотря на серьезные споры, большинством голосов была принята резолюция, предложенная М. И. Покровской. Ее сторонники сошлись на том, что отсутствие четкой альтернативной программы защиты населения от венерических болезней не должно мешать ликвидации регламентации [598—599, 601].

Усиление борьбы с венерическими болезнями делегаты связывали с устройством в городах курсов по разъяснению опасности сифилиса для разных категорий слушателей рабочих, ремесленников, приказчиков, распространением общедоступных брошюр, содержащих сведения о способах предохранения от заразы и организацией системы общедоступного лечения [230, 603].

Среди методов борьбы с сифилисом в предложенной съезду резолюции А. С. Милюкова предлагала увеличить число лечебных пунктов для венерических больных. Для быстроты дела и экономии средств, по мнению врача, председателя киевского отделения Российского общества защиты женщин В. Г. Клячкиной, сифилитические больницы могли бы являться не самостоятельными учреждениями, а отделениями общих больниц, лечение же в них должно быть общедоступным и бесплатным [603, 617].

По статистическим данным, приведенным В. М. Бехтеревым, из 500 мужчин, зараженных сифилисом, 85,6 % случаев — от проституток и 14,4 % — от женщин, не занимавшихся проституцией. Академик рекомендовал внебрачное воздержание как единственную рациональную меру для сохранения чистоты и гарантии от венерических болезней [58, 64]. З. Я. Ельцина напомнила, что еще в 1885 г. на I Пироговском съезде предлагала ввести обязательное принудительное медицинское обследование мужчин, посещавших публичные дома [46].

Вполне устоявшейся нормой в России было принудительное лечение холеры и оспы. То же самое предложил ввести В. К. Анреп применительно к сифилису. Но, как и сейчас, общество начала прошлого века ставило потерпевших в ряды временных отщепенцев и заставляло скрывать болезнь, уклоняться от эффективного лечения в больнице в обязательном порядке. Учитывая все эти обстоятельства и руководствуясь соображениями, что при создании необходимых условий лечение можно проводить и в домашней обстановке, 58 % голосовавших, в основном медики, остановились на обязательном, но не принудительном лечении сифилитиков [602—603].

К первому десятилетию XX в. все большее число врачей признавало, что именно публичные дома являлись рассадниками венерических заболеваний [158, 336—362, 364—365, 574]. Участие делегатов-юристов сказалось на стремлении в рамках рассматриваемого съезда коснуться проблем совершенствования регламентации проституции. Принимая во внимание, что «существование разного типа притонов с разрешения властей подрывает престиж государства, противоречит этическим нормам общества, было принято решение «просить комитет Российского общества защиты женщин обратиться к правительству о безотлагательном решении вопроса уничтожения домов терпимости» [615].

За полгода до описываемого нами события (25 декабря 1909 г.) был принят закон «О мерах к пресечению торга женщинами в целях разврата». По новому закону преследовалось принятие в публичные дома женщин моложе двадцати одного года и удержание их в притонах вопреки их воле [Законопроект об отмене врачебно-полицейского надзора за проституцией и закрытии притонов, 1913, 16]. В целом, претерпев ряд существенных изменений о преследовании различных видов сводничества, сутенерства, вовлечения в разврат и удержания в нем, закон, говорилось в резолюции съезда, нуждался в дальнейшем совершенствовании, а именно наказания потребителя, лично вовлекшего женщину в проституцию или прибегшего к услугам сводничества; уголовного наказания для тех, кто использовал для полового удовлетворения находящихся под их властью, попечением, надзором и в какой-либо иной зависимости; принятия закона, защищавшего нанимавшуюся на работу женщину от сексуальных посягательств со стороны нанимателя. В дальнейшем было бы очень важно установить специальные и как можно более строгие меры наказаний для должностных лиц, виновных в бездействии власти по отношению к посреднической деятельности в организации проституции [594, 616—617].

Как должна строиться организация общественной борьбы с проституцией, что должно носить приоритетный характер? Государство или общество должно брать

на себя основную ответственность? Универсальной тактики так и не разработали. А. С. Милюкова отдавала предпочтение чисто женским обществам. А. Я. Гуревич — предоставлению широкой свободы всем общественным организациям и частным лицам. В. В. Сланский, петербургский врач, заявлял, что устройство и функционирование домов милосердия нельзя передавать в частные и неопытные руки. По мнению же П. С. Павлова, деятельность многих благотворительных обществ была малопродуктивной. Он внес серьезное предложение по реорганизации всего дела благотворительности с привлечением органов земского и городского самоуправления. А. В. Тыркова утверждала, что «для изменения и улучшения условий труда необходимо участие женщин в органах самоуправления и в центральных законодательных учреждениях... привлечение женщин-работниц к участию в профессиональных, культурных и других общественных организациях» [570—572, 89, 582, 579, 129—130, 613].

Являясь одним из делегатов группы рабочих, выразителем марксистских идей, П. С. Павлов просил включить в резолюции съезда положения о независимости и свободе от полицейских функций фабричной инспекции, 8-часовом рабочем дне, предоставлении профессиональным союзам полной свободы. Утверждал, что проституцию возможно уничтожить лишь с уничтожением классовых противоречий и только усилиями самих рабочих, путем введения всеобщего избирательного права [567, 569, 55, 128, 169].

Если в целом участники съезда пытались достичь компромисса по большинству обсуждаемых вопросов, то, что касается рабочей группы, по мнению члена Российской лиги равноправия женщин Е. Н. Щепкиной, делегаты от рабочих враждебно относились к проявлениям попыток сближения, предпринимавшихся на съезде со стороны иных групп [181].

Как ни пытались организаторы поставить съезд над политикой, в полной мере им это не удалось. С. П. Белецкий как представитель полиции неоднократно предупреждал об отклонениях в сторону социал-демократической платформы и грозил закрыть съезд. Во время последнего вечернего заседания, 23 апреля, когда все основные вопросы были обсуждены и приняты резолюции, рабочие в знак протеста выдвигаемых полицией претензий покинули съезд [577, 579].

Факты свидетельствуют, что, независимо от профессиональной, политической и социальной принадлежности, выступавшие в равной степени касались задач проведения широких социальных реформ, признания гражданского и политического равноправия женщин наравне с мужчинами, широкого участия женщин в органах самоуправления [180, 158, 572].

По нашим подсчетам за весь период работы съезда по большинству принятых решений голоса распределялись примерно следующим образом: 60 % «за» и 40 % «против», что доказывает, насколько остро и неоднозначно понимались в обществе необходимые меры борьбы с проституцией. Так как резолюции носили относительно общий характер, предполагалось, что созданные съездом специальная комиссия или бюро займутся разработкой деталей, а что останется невыясненным, будет рассматриваться на следующем съезде. Местом проведения очередно-

го съезда была выбрана Москва. Что же касается конкретной даты, было рекомендовано, чтобы будущий съезд в 1912 г. не совпадал с назначенными на тот же год медицинским и педагогическим [610, 567].

Таким образом, Первый Всероссийский съезд по борьбе с торгом женщинами показал, что российское общество готово к открытому обсуждению путей решения острой проблемы. Самым важным итогом съезда по борьбе с проституцией участники считали принятие решений по двум основным вопросам, волновавшим общество: регламентация и уничтожение публичных домов. Съехавшиеся со всей страны делегаты видели в съезде способ публичного изложения своих идей, средство инициирования новых законов, возможность воздействия на власти. Принятые резолюции отражали меры против проституции — как законодательные, так и общественные. Реально действовал механизм самоорганизации общества и прямого сотрудничества с властью, что способствовало уверенным шагам России в продвижении к гражданственности, правовой цивилизации.

---

*Бентовин Б. И.* Торгующая телом: Очерки современной проституции. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1909.

*Законодательные акты переходного времени, 1904—1908 гг.* СПб., 1909.

*Общество защиты и попечения женщин* // РГИА, ф. 1284, оп. 158.

*Отчет о деятельности Общества защиты несчастных женщин в Казани за 1900 год.* Казань, 1901.

*Положение о Российском обществе защиты женщин.* СПб., 1900.

*Селиванов А. Ф.* Общество помощи и защиты женщин. СПб., 1907.

*Труды Высочайше разрешенного съезда по обсуждению мер против сифилиса в России, бывшего при Медицинском департаменте с 15 по 22 января 1897 г. под председательством директора медицинского департамента Л. Ф. Рогозина.* Т. 1—2. СПб., 1897.

*Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, происходившего в С.-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 года.* Т. 1—2. СПб., 1911—1912.